Рене Генон

Образы Парижа

Перевод с французского

Минский корпус Рене Генона
guenon.ru
2026

Оригинал: René Guénon. Images de Paris (год издания: 1926).

Редакция перевода от 04.10.2026.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:
https://guenon.ru/1926_IDP.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона
Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

Есть ли у нас международная культура?. 5

Есть ли у нас международная культура?

Вопросы анкеты, опубликованной в № 65–66 журнала «Образы Парижа» за февраль–апрель 1926 года:
1. — Есть ли у нас международная культура?
2. — Если да, считаете ли вы её полноценной?
3. — Если вы, как и мы, считаете, что международного интеллектуального сближения всерьёз не предпринималось, видите ли вы при нынешнем положении вещей средства предпринять действенные шаги в этом направлении?
4. — Каковы должны быть эти шаги, с вашей точки зрения?
5. — И если вы признаёте, что международная у нас неполноценна, чем можно объяснить серьёзные пробелы нашей культуры?
6. — Какие из них кажутся вам наиболее серьёзными (в книгоиздании или в театре)?
7. — Каковы, по-вашему, главные причины (невниманние, недостаток интереса, враждебность и т. д.)? Неужели здесь столько непреодолимых трудностей?
8. — Каковы, на ваш взгляд, средства исправления?
Дополнительно обращаем внимание, что это открытый вопросник, а заданные вопросы — только предложение для высказываания.

Ответ Рене Генона, опубликованный в журнале «Образы Парижа», № 67 за май–июль 1926 года:

Не знаю, понимаете ли вы под «международной культурой» только европейскую культуру или, если угодно, западную, как это делают слишком часто, или же понимаете это выражение в более широком смысле. В первом случае мне не кажется сомнительным, что нечто подобное существует, ибо сегодня, несмотря на все второстепенные различия, безусловно есть ментальность, общая для всех западных наро-

дов; но должен признаться, что эта сторона вопроса интересует меня довольно мало, так как эта ментальность и её разнообразные плоды не вызывают у меня никакого восхищения. Если же, напротив, вы имеете в виду культуру, предполагающую взаимное понимание между всеми народами без исключения, то она была бы в высшей степени желательна, но её не существует, и именно по причине многочисленных предрассудков, присущих современной западной ментальности.

Следовательно, интеллектуальное сближение Востока и Запада предполагало бы коренное изменение этой ментальности; и прежде всего оно, очевидно, предполагало бы, что европейцы перестанут считать себя выше всех прочих народов, откажутся от притязания навязывать тем собственную цивилизацию и согласятся признать, что существуют люди, которых занимает нечто иное, нежели постройка машин, и которые не испытывают ни малейшей потребности непрестанно суетиться под предлогом «прогресса». Им следовало бы осознать, что не существует одной-единственной цивилизации — их собственной, но что всегда были и поныне есть различные цивилизации, каждая из которых имеет своё собственное развитие и которые, следовательно, несравнимы между собой и несводимы к единой мере. Чисто материальное развитие западной цивилизации за последние несколько веков, хотя и обеспечило ей бесспорное превосходство в том, что касается грубой силы (которому, впрочем, никто не завидует), однако лишило её даже самого понятия о подлинной интеллектуальности; в этом и состоит недуг, которым ныне страдает Запад и от которого он рискует погибнуть, если не сумеет опомниться и сменить направление, пока ещё есть время.

Итак, единственным средством исправления положения было бы создание элиты в истинном смысле этого слова, способной восстановить интеллектуальность на Западе; и это было бы вместе с тем единственным способом установить подлинное согласие с восточными цивилизациями, для

которых интеллектуальность составляет всю суть. Впрочем, следует заметить, что такое согласие, которое должно было бы, таким образом, осуществляться сверху, отнюдь не повлекло бы за собой слияния различных цивилизаций, множественность которых необходима для приспособления к разнообразию человеческих народов и условий их существования. Речь может идти не о химерическом объединении, а о понимании, которое было бы возможно между представителями цивилизаций, равноценных в интеллектуальном отношении, и только между ними. Вот почему всякое согласие, которое не было бы прежде всего интеллектуальным, было бы совершенно иллюзорным; впрочем, чисто интеллектуальная область есть область принципов, от которых всё прочее более или менее непосредственно зависит и из которых проистекает в качестве простых приложений; если не начать с принципов, никогда не удастся осуществить ничего, обладающего действительной ценностью. Разумеется, подобная работа не может быть сделана в один день и сразу дать видимые результаты; но разве это причина, чтобы её не выполнять? Во всяком случае, именно людям Запада надлежит взять на себя инициативу сближения, от которого они только выиграют; если некоторые из них поймут его значение и примутся за дело в надлежащем направлении, помощь Востока, несомненно, не заставит себя ждать.

Прошу извинить меня за то, что не могу подробнее развить эти соображения, которым я недавно посвятил целую книгу[1]: они столь непривычны для наших современников, что всегда приходится опасаться, как бы они, если не остановиться на них достаточно подробно, не дали повода к какому-либо ложному толкованию. Тем не менее я надеюсь, что эти немногие указания, сколь бы недостаточными они ни были, смогут дать пищу для размышления тем, кто к это-

[1] «Восток и Запад».

му способен, но кому ещё ни разу не представлялось случая рассматривать вещи с этой точки зрения.

Рене Генон